ПОМИНАЛЬНЫЕ СКАЧКИ С АЕЛÆМ-ОМ И ИХ ВОЕННО-ПРИКЛАДНОЙ ХАРАКТЕР

Багаев А.Б.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, филиал
ФГБУН «Владикавказский научный центр Российской академии наук», Владикавказ,
e-mail: alon.baga@mail.ru*

Данная статья посвящена исследованию одного из видов осетинских поминальных конных скачек. В прошлом конные скачки с аелæм-ом играли большую роль в поминальной обрядности осетинского народа. Рассмотрение данного вопроса является важным при исследовании традиционной культуры осетин. Проведение поминальных скачек с аелæм-ом в разных местностях Осетии имело разные формы. Однако несмотря на внешние отличия семантика их была единой. В данной работе описано и проанализировано несколько вариантов проведения изучаемой поминальной скачки. В статье основное внимание уделено военно-прикладному аспекту рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: конные скачки, поминальная обрядность, всадник, осетины

FUNERAL RACING WITH AELÆM AND THEIR MILITARY-APPLIED NATURE

Bagaev A.B.

*V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, branch of the Vladikavkaz
Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz,
e-mail: alon.baga@mail.ru*

This article is devoted to the study of one of the types of Ossetian funeral horseracing. In the past, horse racing with aelæm played an important role in the commemoration ceremonies of the Ossetian people. Addressing this issue is important in the study of the traditional culture of the Ossetians. Memorial racings with aelæm were held differently in different places in Ossetia. However, despite external differences, their semantics was similar. In this paper, we described and analyzed several options of holding the memorial racing under study. The article focuses on the military-applied aspects of the issue.

Keywords: horseracing, memorial rites, horseman, Ossetians

Скачки по усопшему у осетин проводились несколько раз, начиная со дня смерти и в течение всего последующего года. Как правило, они приурочивались к конкретным дням календарных поминок. Существовало несколько типов скачек. Нами поминальные скачки условно разделены на три типа: простые скачки, большие скачки и скачки с аелæм-ом [4].

В данной статье мы рассмотрим скачки с аелæм-ом, которые устраивались во время поминок бадæнтæ. Название свое оно получило от связанного с поминальной обрядностью предмета – аелæм (диг. *илæн*) (далее алам). Алам представлял собой деревянную конструкцию в виде креста, иногда с прикрепленной полосой плотной материи, увешанную различной снедью, и предметами небольшой величины: пряники, грецкие орехи, фрукты, а позднее и конфеты, платки (носовые), чувяки, кобуры.

Рассматриваемая проблема в той или иной мере нашла отражение в ряде работ, освещающих разные стороны традиционной осетинской культуры [9; 5; 12; 10; 7; 3; 4; 11; 6].

Среди них особо выделяется исследование В.С. Уарзиати [10]. В его работе изучены некоторые стороны обрядовой практики осетин и, связанные с обрядностью, традиционные игры и развлечения. Особое внимание он уделил рассмотрению и систематизации тех народных игр и развлечений, которые были связаны с трудовой обрядностью. В контексте изучения предметов традиционно-бытовой материальной культуры освещена знаковая сущность алама.

При исследовании календарных праздников и культа мертвых у осетин, некоторых аспектов поминальных скачек с аламом также коснулся Л.А. Чибиров [12, с. 271, 368]. Он делит поминальные скачки осетин на два типа: малые и большие. При этом скачки с аламом им обозначены как малые скачки.

При изучении данной проблемы нельзя обойти работы собирателей традиционных народных игр и состязаний осетинского народа С.Г. Гагиева и В. Д. Джусоева. [5; 7]. С.Г. Гагиевым при описании, распространенных в Осетии народных игр, связанных со скачками, упоминается один из вариан-

тов скачек с аламом. В работе же В.Д. Джусоева дается совершенно другой вариант этой игры.

Скачки с аламом производились на утро после поминальной ночи, которая называется у осетин *бадэнтæ*. С календарным праздником во время, которого проводились, рассматриваемые скачки, в литературе наблюдается определенный разнобой. В одних местностях он приходился на первый понедельник Нового года, в других - на праздник *Зазхæссæн* (букв. приношение тиса), совпадающий с христианским Вербным воскресеньем [12, с. 367]. У осетин-дигорцев данный праздник имеет вариативный ряд названий, в которых также фигурирует название другого вечнозеленого хвойного дерева – ели: *Назуйхист*, *Назу*, *Назутæ*. Вероятно использование вечнозеленого дерева не случайно: оно является отражением стабильности и непрерывающейся жизни. Первоначально хвойное деревце или его ветви использовались для поминовения как мужчин, так и женщин. Подтверждением данного мнения является тот факт, что иногда и мужчинам вместо *æлæм-а* наряжали хвойное деревцо или ее ветки [10; с. 121–122].

Мотив украшенного яствами древа в похоронно-поминальных обрядах – одна из широко распространенных традиций у многих народов мира. Комплекс «действий» с деревцом был направлен на поддержание нормального, непрекращающегося течения жизни и содействовал ее вечному воссозданию. Кроме того, «деревцо» здесь служит как посредник во взаимосвязях миров. В целом, комплекс действий с деревцом был направлен на поддержание нормального, непрекращающегося течения жизни и содействия вечному ее воссозданию т.е. приобщение усопшего к вечной жизни [2, с. 176–177].

Однако со временем у осетин тис или ель приготавливали преимущественно для женщин, заменив «деревцо» для поминовения мужчин на воинский атрибут в виде знамени. Понятие *æлæм* обозначает знамя, хоругвь, флаг, знак [1, с. 126]. Сохранившиеся изображения алама у осетин соответствует этим значениям. Вероятно, это был не просто флаг, а боевое знамя. Тот факт, что в случае смерти мужчины, его родственники изготовляли вместе с аламом деревянное оружие (ружье, кинжал, пистолет и т.п.) говорит о посвящении данного обряда не просто мужчине, а воину. Таким образом, в воинском сообществе, символическая нагрузка, которая лежала на хвойном деревце, перешла на знамя.

Обряд проведения поминальных скачек с аламом в разных районах Осетии имел разные формы, что, однако, не нарушало его внутреннего единства.

После проведения необходимых обрядов, группе всадников вручали алам, траурный флаг и бутафорские предметы вооружения, (деревянное ружье, пистолет и т. п.) так же увешанные снедью. При описании данного вида скачки, С.Г. Гагиев высказал точку зрения, согласно которой, «задача состояла в том, чтобы догнать всадника и отобрать у него алам» [5, с. 19]. Во время исследования нам не удалось обнаружить фактов, подтверждающих это мнение. Хотя надо отметить, что в некоторых источниках сообщается о случаях борьбы за алам. Бывало, что его отнимали у несших его всадников, но это было скорее исключением, нежели правилом. Обычно этот акт совершался в отместку за прошлую обиду, несправедливое, пренебрежительное отношение, высокомерное поведение аламаносцев к какому-нибудь лицу. Это считалось, хотя и не смертельным, но все же оскорблением для всей группы, несшей алам, в особенности тому у кого его вырвали из рук. Поэтому его обычно нес самый бойкий и ловкий всадник на сильной и выносливой лошади.

Траурный флаг вручали владельцу резвого скакуна, остальные вещи раздавали другим всадникам, участвовавшим в поминальных конных скачках с аламом. После того как все ритуальные предметы были вручены всадникам, они, организованной группой выезжали со двора, в котором происходили поминки. Далее вся группа рысью (*сæппæй*) скакала по улицам селения, и всадники своими плетками наносили хлесткие удары по аламу. Бить надо было так, чтобы часть снеди и мелких предметов, висевших на ней, падало на землю. Совершив, таким образом, три-четыре круга по улицам поселения, они тем же аллюром отправлялись на кладбище. Там, около могилы усопшего, они срывали все оставшееся на аламе и бутафорском оружии, и делили между собой (по представлениям осетин всё, чем увешан алам обладает чудодейственной силой, способной избавить от несчастий и болезней). Древки алама и флага они водружали на могильном холме, там же оставляли бутафорское оружие. После, они сажались на своих лошадей и, в память почитавшего, устраивали резвую скачку до двора, откуда вынесли алам [8, Л. 123].

Другие источники говорят о том, что данный вид скачек мог проводиться и на довольно значительные расстояния, по тропинкам едва удобным к проезду. Числен-

ность участников скачки нередко доходила до тридцати всадников. Верховой, несший алам, поднимал его высоко и скакал впереди всех. Остальные участники пытались сбить с алама лакомства, которые тут же подбирались, следовавшими за конной группой, детишками. Добравшись до могилы, всадник, несший алам, втыкал его в землю у могилы. К этому времени на аламе оставалось лишь небольшое количество лакомств [12, с. 271].

Несколько по-другому рассматриваемый вид скачки описан В.Ф. Миллером. В своем описании он дает дигорскую форму названия алам – илаэн. Он сообщает, что всадники, несущие алам, собираются на могиле лица, которому он посвящается. В качестве аламаносца выступает старший из всадников, остальные берут деревянные предметы вооружения, так же увешанные пряниками, орехами, конфетами и тому подобными лакомствами. В.Ф. Миллер не сообщает о том, что лакомства с алама периодически стряхивались несшим его всадником. Не отмечает он и того, что они (лакомства) сбивались ударами плетей всадников, участвовавших в скачке, как это описывается в некоторых источниках. Он отмечает то, что после продолжительной скачки по улицам селения, всадники подъезжали к наблюдающим за скачкой старикам, сидевшим на ныхас-е. Каждый из всадников предлагал им сорвать что-нибудь из лакомств, увешанных на врученых им предметах. После этого они тоже самое предлагали женщинам среднего возраста, которые не ходят на кладбище. Оставшиеся лакомства ездоки берут себе, а деревянные предметы отвозят на могилу и там их складывают. После этого, помянув покойного, они направляются к могиле другого и все начинается сызнова. Таким образом, скачки одной группы наездников с поочередным несением нескольких аламов, посвященных разным усопшим, продолжаются до вечера [9, с. 272–273].

Интересная обрядовая игра, проводившаяся в период похорон и назвавшаяся «лаф», была зафиксирована В.Д. Джусоевым у южных осетин. Наше внимание она привлекла значительной схожестью со скачками с аламом. Она выглядела следующим образом: длинными шеренгами по обе стороны дороги располагалась молодежь старше 18 лет, вооружившаяся короткими палками – битами. В определенном месте, в одном из концов шеренг, располагались 3–5 всадников в бурках. Каждому из них дается пика (в более позднее время, длинная палка), к вершине которой прикреплены различные вещи (перчатки, шерстяные но-

ски, платочки, войлочные шапки), фрукты и другие лакомства. Верховые поднимают вертикально свои пики (длинные палки) и пускают своих лошадей между двух шеренг. Двигаются они по одному, друг за другом. Каждый из них видит только дорогу перед собой, он не может смотреть по сторонам, так как бурка бывает накинута на голову, так, что закрывает лицо всадника. Стоявшие в шеренге юноши метали свои биты в «пики» и, если им удавалось что-то сбить, то они брали этот предмет себе. Не все из стоящих в шеренге молодых людей могут бросать свои биты в «пики» всадников, а только специально выбранные. Право метать биты имели предварительно выбранные лица, представители разных фамилий или селений, которые отличались меткостью и ловкостью. Проскакав с одного конца шеренги до другого, всадники разворачивали своих лошадей и скакали обратно. При этом надо отметить то, что когда всадники начинали скачку, пики они держали в правой руке, когда же возвращались обратно, – то в левой. Проскакав с одного конца шеренги до другого и вернувшись обратно, игру завершали [7, с. 13–14].

Таким образом, вышеизложенный материал позволяет сделать вывод о том, что погребальные конные скачки с аламом в практическом плане являлись эффективным средством подготовки лошади и всадника к военному походу. Они способствовали совершенствованию навыков верховой езды у молодых наездников, закаляли их характер для предстоящей военно-походной жизни. Велико было их значение и в плане развития и поддержания на высоком уровне искусства верховой езды у мужской половины населения. Скачки с аламом, как впрочем, и другие виды поминальных скачек, способствовали выявлению самых резвых, выносливых и сильных лошадей, приспособленных ко всем тяготам военно-походной жизни. Кроме того, эти скакуны играли большую роль в улучшении качеств лошадей боевых верховых пород.

Особенностью скачек с аламом является то, что в ней участвовал не самостоятельный наездник или ездок с толкачами, а целая группа всадников одновременно. Конная группа должна была скакать одним аллюром и лишь в заключительной части она распадалась на отдельных всадников, демонстрировавших резвость своих скакунов. Не только всадники, но и их лошади приучались к действию в группе, к передвижению в течение определенного времени в организованном порядке.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 655 с.
2. Алимова Б.М. Табасаранцы (XIX – начало XX в.): Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. – 264 с.
3. Багаев А.Б. Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 169 с.
4. Багаев А.Б. Военно-прикладное значение поминальных скачек // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5; URL: «<http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15173>»=15173 (дата обращения: 25.10.2016).
5. Гагиев С.Г. Осетинские национальные игры. – Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1958. – 79 с.
6. Дауева Т.Т. Регулирование общественных отношений осетин в XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2016. – №15. – С. 153–157.
7. Джусоев В.Д. Осетинские народные игры. – Цхинвал: Ирыстон, 1988. – 94 с.
8. Каргиев Б.М. Осетинские обычаи до революции // Научный архив СОИГСИ Ф.4. Оп.1. Д.109.
9. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. – М.: 1882. – 304 с.
10. Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. – Орджоникидзе: Ир, 1987. 160 с.
11. Цаллагова И.Н. Принципы формальной адаптации русских заимствований в современных говорах дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2016. – №15. – С. 184–194.
12. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – Владикавказ: Ир, 2008. – 599 с.